

Дороги богов

Автор:

Евгения Огнёва

Дороги богов

Евгения Олеговна Огнёва

Какие дороги привели к гибели могущественных богов? Так ли чисты их помыслы, а души – непогрешимы? Или "по образу и подобию" – означает те же страсти в сердцах, те же грехи и помыслы? Все готов отдать Кейн для достижения своей цели, но его соперники не намерены уступить! Все больше врагов становится у мятежного бога, все теснее в Маледиктусе от заговорщиков. Война – это страдание простых людей, замечают ли их всемогущие, стремясь удовлетворить свои амбиции? Юная и хрупкая королева не так слаба и податлива, как казалось, а князь Гевальт вовсе не собирается отдавать свое право быть любимым.

Евгения Огнёва

Дороги богов

Глава 1. Разбитое королевство.

Sleep with the devil and then you must pay

Sleep with the devil, the devil will take you away

(«Gates of Babylon», Rainbow)

Лусиан второй, король Оринберга, не умел воевать. За пятнадцать лет его сытого правления не случилось ни одного крупного конфликта с соседями.

А все потому, что его отважные предшественники отстаивали право Оринберга быть независимым и сильным королевством.

С детства Лусиан знал, что будет королем. Его окружали красивые фрейлины, роскошные стены дворца, беззаботные и льстивые подданные, изысканные и дорогие вещи.

Когда пришла пора, Лусиан покорно женился на Биремской принцессе, которую выбрал ему отец. Лорин благословила супругов, и вскоре у Лусиана появился наследник.

Прошло всего три года, и отец умер. Лусиан занял трон. Он старался быть таким же рассудительным и справедливым. И, если ситуация заходила в тупик, а дипломатия исчерпывала себя, – Лусиан обращался за помощью к своему брату, герцогу Свейну.

Альберт Свейн принадлежал к ветви дель Контадо, что происходила от Лусиана первого. Лусиан первый, в свою очередь был родным братом Августа Чойского Свейна, герцога Золейна, графа Колии и прочее и прочее.

Эти ветви иногда пересекались, что в свое время значительно осложняло вопрос престолонаследия. Последний виток был сделан бабкой Альберта Свейна, когда она вышла замуж за своего троюродного брата. А так как по линии Лусиана прямых потомков не было, власть на какое-то время ушла к дель Контадо. Но удача отвернулась от Витторио Свейна, на свет появился законный наследник.

Однажды полученная власть не давала покоя всем дель Контадо. И случай вновь подвернулся сейчас.

В тяжело для страны время, Альберт Свейн принял на себя роль лидера. Лусиан второй не был глуп. Он понимал, что абсолютно бесполезен в военных делах. Он также понимал, что его популярность среди подданных тает с каждым захваченным городом.

Его верные маршалы гибли за короля. Их место занимали не менее преданные люди дель Контадо. Племянники, дяди, двоюродные братья. И что было сказать? Родичи умели воевать, хоть эти навыки и не остановили противника, но сумели задержать.

Когда во дворце объявился безумный жрец Лорин, Лусиан велел выставить его. Альберта доклад стражника заинтересовал, и герцог уговорил брата выслушать визитера.

– Прошу прощения, что пришлось использовать тело вашего подданного. – Судорога пробежала по лицу жреца. – Моих сил в Лорин еще недостаточно, чтобы предстать перед вами лично.

Лусиан беспомощно посмотрел на брата. Альберт оставался серьезен.

Глаза жреца все время косили куда-то вниз и влево, из уголков губ капала слюна, да еще и судорога сводила лицо через определенный промежуток времени.

– И что же, вы готовы помочь нам без каких-либо гарантий? – Поинтересовался Альберт Свейн.

– Почти. – Уклончиво ответил гость. – Тяжелые времена требуют больших перемен. Мы с Лорин всегда были и будем союзниками, а потому, рядом с ее храмами вы воздвигните мои. Потребуется искоренить язычество и укрепить истинную веру во всех государствах.

– Мы не можем решать за весь мир. – Нервно хихикнул Лусиан. Он не любил блаженных, что бы ни говорилось в Книге просветления о чистоте юродивых. – Боюсь, правители других стран будут против.

– Изменения пройдут незаметно. – Заверил жрец. – От Оринберга лишь требуется предоставить свою территорию как точку отсчета. Все остальное – моя забота, Ваше величество.

– И как же вы заставите другие государства встать на вашу сторону? – Спросил Альберт.

Кажется, герцог воспринимал визитера всерьез. Чем непомерно удивлял короля!

Жрец внимательно посмотрел на герцога и его венценосного брата. Лусиан Свейн был уже не молод. Его некогда каштановые волосы побила седина, овал лица расплылся и одрях, а возле серых глаз появились сеточки морщин. Добавить ко всему внушительное брюшко, – и перед вами король Оринберга.

Альберт Свейн, напротив, выглядел подтянутым и был в расцвете лет. По всему было видно, что он привык проводить время в седле, охотиться и практиковать свои воинские навыки. Но еще больше в глаза бросалась высокомерная усмешка и снисходительный взгляд. Альберт Свейн любил власть. И жаждал ее.

– Я дам Оринбергу своих воинов и жрецов. К ним прислушаются, ибо, в отличие от выдуманных идолов, они способны нести свет и спасение. – Глаза жреца вдруг уставились прямо на Лусиана Свейна.

– Мы обдумаем ваше предложение. – Лусиан встал, давая понять, что аудиенция закончена.

Жрец не удостоил короля поклоном, Лусиан раздраженно поджал губы и вышел из тронного зала.

– Он не поверил вам, ваше величество. – Усмехнулся Альберт.

– У вашего брата всегда было плохое воображение. Если король не в состоянии защитить свою страну – нужен другой. – Произнес визитер.

В глазах герцога вспыхнул интерес.

– Ваш новый друг по-прежнему желает быть полезным? – Поинтересовался юродивый.

– Больше, чем когда-либо. – Усмехнулся Альберт.

– Отлично! Передайте ему, что он получит обещанное только, если выполнит свою часть договора. Верийцы не любят отдавать то, что им приглянулось. И ему не отобрать без нас то, чем обладает Кейн.

Королевство тонуло в крови. Северные провинции давно перешли в руки врага. Армия Оринберга несла огромные потери, а беженцы заполнили столицу.

Захватчики просто отчищали землю от смертных. Через три месяца жестоких боев и отступлений Лусиан знал: справиться с полукровками люди могли. А вот высокие и золотоглазые чудовища были неуязвимы.

В мире, что давно утратил магию, Истинные чувствовали себя вольготно. Они разрывали людей на куски, гипнотизировали и сводили с ума, появлялись из ночных теней за спиной бесшумно и незаметно. Их жестокость не знала границ.

Солнце не сжигало упырей, вопреки всем легендам. Раны их затягивались на глазах, сломанные кости срастались. Да, они не любили огонь, избегали ран в сердце и голову. И это были единственные слабости пришельцев.

Нищие, голодные и оборванные люди заполнили столичные улицы. Из гавани каждый день отплывали корабли с беженцами. Люди стремились покинуть гибнущее королевство, союзники не спешили оказывать помощь. Король всеми силами пытался остановить бегство людей, но звонкая монета и жажда жизни делали свое дело.

Вчерашние контрабандисты и торговцы богатели день ото дня, поднимали цену на свои услуги. Благосостояние некоторых стражников, что обыскивали судна, также значительно улучшилось.

Грабежи и убийства расцветали, в армии все чаще появлялись дезертиры. Положение было отчаянным.

Сломленные и испуганные, солдаты не хотели воевать с бессмертными. Знать пряталась в своих поместьях и также стремилась покинуть Оринберг.

Вспыхивали мятежи, люди бунтовали и требовали от короля защиты.

А верийцы продолжали сжигать города и деревни, убивать, угонять в рабство. Иногда они отправляли в очередной город пленных. Несчастные жертвы были

изуродованы, а разум их безвозвратно поврежден.

Случались и показательные казни. Захватчики устраивали кровавую бойню прямо перед осажденным городом, заживо сдирали кожу с пленных, раздирали их, вешали и сжигали.

Бессмертные не выдвигали требований, не объясняли причин. Они просто уничтожали людей.

Лусиан стоял возле окна галереи. Он не мог найти себе покоя. Знать перестала уважать монарха, ему везде чудились заговоры.

- Сдает старик. - Шептались в коридорах.

- Ему пора на покой.

- А наследник?

- Он еще мал. Нужен опекун. Сильный и храбрый.

- Нам нужен тот, кто остановит эту чуму! А не юнец безусый.

Королевский шут исправно доносил все сплетни. Сытый и пестрый двор трусливо трясся по углам дворца, обнажались не самые лучшие человеческие качества этих привыкших к спокойной и изобильной жизни дворян.

Бокал с вином дрожал в пухлой царственной руке. Король плохо спал, просыпался от каждого шороха. Еще этот юродивый, так не вовремя.

Солнце садилось за горизонт, пылая красным пожаром. Пожар пылал по всему Оринбергу.

Его возлюбленная королева, Лив Дуункам, принцесса Биремская, герцогиня Изумрудных долин Священного королевства, княгиня северных земель Крима, принцесса Сууэльса и прочее, и прочее, была единственной опорой.

Король утратил интерес к своей супруге, как только ее молодость начала увядать. Но именно она сейчас пыталась всеми силами поддержать супруга.

– Не печалься, Лусиан. – Ее высокий голос прозвучал за спиной короля. – Ваша богиня отвернулась от Оринберга, но мой отец, да благословят его боги, готовит свое войско. Его письмо пришло сегодня на рассвете. Бирем заручился поддержкой Атланы, союзники готовят флот.

– Боюсь, Лив, все, что мы можем сделать, – отправить беженцев и покинуть страну. Может быть, море задержит нечистых? А у наших соседей было достаточно времени, чтобы подготовиться к бою. Их цена за нашу свободу слишком высока. Это равносильно рабству.

– Но тогда мы отдадим свою страну в чужие руки. – Вздохнула королева.

– Зато мы спасем людей. – Лусиан сделал то, чего не делал уже давно.

Он нежно обнял свою супругу. Лив Дуункам когда-то была красавицей. Еще сейчас ее огромные черные глаза приковывали к себе взгляд, а фигура сохранила формы. Но кожа уже сморщилась на округлом лице, а каштановые волосы побила седина.

– Я всегда был верен тебе и короне, Лив. Что бы ни болтали при дворе. Знай это. – С грустной улыбкой произнес Лусиан. – И, если нам суждено умереть столь страшной смертью, мы встретим ее вместе.

– Но наш сын должен жить. – Упрямо ответила королева. – Все готово для отправки принца в Бирем. В нем течет кровь моих и твоих предков. Как бы ни раскололся мир, у Оринберга останется истинный король.

– Оринберг ненавидит меня, Лив. – Вздохнул Лусиан. – Но условия, которые выдвинули соседи...Мы слишком долго торговались за свои жизни. А теперь в наших богатых землях нет ценности: они разорены и захвачены.

– Я знаю. – Королева вздохнула. – Ты прав: лучше спасти хоть кого-нибудь. Наши союзники станут говорить по-другому, когда беда придет в их дом. Жадность и так дала врагу преимущество. Оринберг спасать слишком поздно. Короли только

сейчас стали понимать, что могут стать следующей жертвой. Чужая агония – не в счет.

– Ты всегда была умнее меня. – Улыбнулся Лусиан. – Я любил тебя не за твою красоту. Но за то, что из нас двоих ты – лучший правитель.

– О, перестань. Мы сильны только вместе. – Лив обняла супруга. – А наши соседи всегда были слишком высокого мнения о своих способностях. Победы прошлого не вечны.

Они пришли ночью. Лусиан даже не удивился, когда в его спальню, один за другим, зашли два десятка дворян во главе с Альбертом.

Король, сохраняя остатки достоинства, выслушал требования, вскинул воспаленные бессонницей глаза на брата.

– Сохрани Оринберг. Он принадлежит нашей семье. – Произнес король.

Подавленный и растерянный, Лусиан решился на отречение от престола в пользу брата. Он больше не мог слышать о тех ужасах, что творились в его королевстве.

Этого шага требовал простой народ. Знатные вельможи все как один приняли сторону Альберта Свейна.

После того, как в рядах лоринцев появились жрецы, способные применять Дар, а «черные василиски» проявили себя в боях против захватчика, ситуация начала меняться.

Правда, законного наследника Альберт Свейн так и не нашел и это ставило под угрозу его притязания на престол.

– Нас ждет триумф, дорогой друг. Мы найдем, как устранить эту досадную оплошность. – Пообещал юродивый жрец.

– Богу виднее. – Отозвался Альберт.

По каменным плитам тюрьмы протащили измученное тело бывшей королевы. Биремка так ничего и не сказала. Даже под пытками.

Вывезти родителей из поместья оказалось труднее, чем воевать.

Мать все еще цеплялась за зыбкую надежду, отец, как всегда, старался поддержать свою супругу.

Луиза де Стрейн осунулась и похудела. После исчезновения старшей дочери, графиня сосредоточила всю свою заботу на младшей. И теперь не могла смириться с очередной утратой.

– Сейчас не самые легкие времена, мама, мы должны быть сильными. – Луи вел мать под руку по суетной столичной улице. – Переехать в Оринберг было необходимо, мы, наконец, можем быть все вместе.

– О, Луи, как могу я спокойно спать! Мы могли бы остаться и продолжить поиски. – Луиза аккуратно перешагнула через лужицу на дороге.

Сутолока в столице была невероятная. Беженцы из всех уголков страны ютились в каждом доме, куда, приказом Альберта Свейна, их подселили к местным жителям. На местных рынках продавали и покупали все, начиная от ювелирных украшений, заканчивая ношенными ботинками и предметами обихода.

Людям было нечего есть, у них не было работы, а корабли в порту не могли вместить всех желающих бежать, куда глаза глядят.

Улицы кричали детским плачем и женскими причитаниями, сыпалась раскатистая брань голодных и оборванных людей. Вчерашние крестьяне и мастеровые грызлись на улице за кусок хлеба.

Луи намеревался отправить своих родителей в Бирэм, подальше от войны. Там их уже ждали дальние родственники по отцовской линии, хотя бы за

благополучие близких ему не придется тревожиться.

- Искать иголку в стоге сена, когда весь мир готов встать с ног на голову! - Луи продолжал пробираться через гудящую толпу.

Кто-то нес на голове тук с пожитками, другой брезгливо отталкивал от себя нищего, третий настойчиво предлагал купить чудесные карманные часы.

- Мы получим билет на тебя и отца, мне будет спокойно, когда вы покинете Оринберг.

- О, если ты сгинешь так же, как твои сестры. - Луиза сжала губы, пытаясь не расплакаться.

- Даже не подумаю! - Луи крепко сжал ладонь матери. - Кроме того, уверен, Жанна, где бы она ни была, способна за себя постоять!

- Ты тоже не веришь, что они исчезли? - Просияла мать, будто это что-то могло изменить.

Луи промолчал. Он знал, что тело Маргери было найдено на берегу озера, на пол пути в столицу. Девушку убили жестоко, перерезав горло и вырезав сердце.

Очевидцев не было, все слуги, что сопровождали Маргери, были убиты так же беспощадно. А теперь по провинции гуляли слухи, будто дозорные видели его сестру Жанну, ставшую кровопийцей.

Крестьяне на все лады пересказывали историю о погибших жрецах, которых растерзала Жанна. Будто она выпила всю их кровь и порубила на куски мертвые тела, а глаза ее налиты кровью, клыки точно у волка и прочее и прочее.

Все эти слухи еще больше ранили мать и отца.

- Я разберусь с этим, мама. Если Жанна жива - я ее найду. Мой полк будет в гуще события. Как только мы вернем свои земли, - я начну поиски снова. Но мы уже пришли.

Огромный особняк охраняли стражники с алебардами. Луи представился слуге, что открыл дверь. Их провели в гостиную, горничная подала чай.

Хозяин дома не заставил себя ждать. Стоило горничной поставить поднос на стол, как в гостиную вошел невысокий молодой человек и полноватый лысый мужчина.

Оба выглядели сыто. Луи мысленно проклял обоих. Эти distinguished господа богатели на бедах его страны, продавая билеты на корабли.

– Граф де Стрейн, госпожа графиня. – Молодой человек слегка поклонился и уселся в кресло напротив матери и сына.

Толстяк также слегка кивнул и расположился в рядом стоящем кресле.

– Ваш корабль отплывает сегодня вечером. – Начал толстяк. Голос у него был неожиданно звонкий, лысина блестела от пота. – Остались формальности. – Он кивнул помощнику, тот положил на стол бумагу. – Ваше поместье станет немного меньше. Но, с учетом того, что мы вовсе можем лишиться нашего королевства, потеря не велика.

– Какой у вас интерес к землям? Они сейчас разгромлены и захвачены врагом. – Поинтересовался Луи, изучая бумагу.

Лакей быстро подал перо и чернила.

– Мы надеемся на лучшее, господин граф. – Помощник показал пальцем, где поставить подпись. – Ваши земли богаты. Когда все закончится, людям нужно будет где-то жить. Разводить скот и строить новые дома. Впрочем, вы всегда сможете их выкупить с небольшим процентом.

Под небольшим процентом скрывалась значительная сумма, все прекрасно это понимали. Но жизнь сейчас была дороже земли.

Когда все формальности были соблюдены, мать и сын покинули дом.

– Они отправятся в Бирем, господин. – Лысый толстяк провожал взглядом статного юношу и его мать. – Мы выкупили поместье и немного земли. Этого достаточно?

– Вполне. – Голос был вкрадчивым и всегда звучал в голове.

Обладатель приятного баритона скрывался, Густав, ростовщик, банкир, трижды проклятый сотнями горожан, атланец никогда не видел этого заказчика.

Густав не был глуп, он прекрасно осознавал, что его новый клиент – представитель тех самых «нечестивых захватчиков». Платил заказчик вперед и золотом. А потому, жадность брала верх над суеверием.

– Я хочу быть уверен, что семейство де Стрейн будет в безопасности. Они должны быть счастливы и благополучны. Вы поняли меня? – Бархатный голос почти мурлыкал, но был сильным и властным.

– Конечно, господин. Наши партнеры гарантируют качество.

– Не сомневаюсь.

Луи проводил отца и мать на корабль. Не обошлось без слез и тяжелых вздохов. Вокруг суетились женщины с детьми, семьи знатных вельмож. Каждому билет обошелся очень дорого. Каждый поступился своими принципами.

Кто-то бежал от страшной болезни, кто-то просто пытался сохранить жизнь близким, кто-то спасал свою собственную жизнь.

Луи не брался судить тех, кто отплывал на корабле. Прекрасный многоярусный галеон уносил чету де Стрейн далеко в Бирем. Юноша был уверен, что видит отца и мать в последний раз.

– Любезный, позвольте пройти. – Раздалось за спиной.

Пассажиры спешили, мелькали шляпки с перьями, лакеи волокли тяжелые сундуки, кричали матросы, хмурилось небо.

Встревоженное лицо Луизы де Стрейн мелькнуло на палубе, среди сотен благородных дам.

Луи нерешительно вскинул руку в прощальном жесте. Мать замахала в ответ, отец даже не шелохнулся: он все еще корил себя за потерю обеих дочерей.

Он еще долго махал своим родителям, пока пассажиры не превратились в точки.

Луи де Стрейн шагал широко и уверенно среди плачущих детей, оборванных крестьян, по гладким, залитым нечистотами плиткам узких улочек Оринберга.

Столица была чужой для Луи всегда. Слишком шумная, хитрая и грязная. То ли дело поместье де Стрейн с его виноградником и лесами! Простор и свежесть, изобилие и умиротворенность!

– Вы так похожи со своей сестрой! – Его бесцеремонно схватили за плечо, разворачивая к себе.

– Прошу прощения! – Возмутился молодой человек, плотнее сжимая в руке эфес меча.

– Не надо. – В спину уперся нож. – Идем, с тобой хотят поговорить.

Ловкие руки отвязали ножны, родовой меч переключал куда-то в сторону, еще одна крепкая рука ухватила Луи под локоть.

– Тебе ничего не угрожает, просто следуй за нами.

Луи сохранял спокойствие. Если это – уличные бандиты, – он справится легко. Если же незнакомцы серьезнее и опаснее, – будет любопытно узнать, зачем он им понадобился.

Мужчины свернули в два проулка, уперлись в старый покосившиеся дома.

«Здравствуй, – пронеслось в голове, – для меня большая честь увидеть Луи де Стрейна, графа, отважного воина, любящего брата»

Провожатые почему-то отступили от Луи, медленно вошли внутрь одного из домов.

Луи даже не успел удивиться происходящему, как из тени возник высокий бледнокожий чужак.

Рука привычно потянулась к мечу, но встретила пустоту. Существо небрежно и изящно взмахнуло ладонью, – на Луи навалилась апатия.

– Я здесь не для того, чтобы отнимать твою жизнь, юноша. – Вслух проговорил вериец. Голос у него был приятный и уверенный, черные антрацитовые волосы резко контрастировали с алебастровой кожей, на висках змеились татуировки.

Он вызывал интерес, этот чужой: пугающие большие глаза червонного золота, гибкая, но внушительная фигура, грация хищника.

– Чего тебе надо, проклятый? – Луи машинально сотворил рукой знак Лорин.

– Я здесь, чтобы позаботиться о тебе. – Неприятно улыбнулся незнакомец. – Скажи, Жанна Аделина де Стрейн – твоя сестра?

Луи вздрогнул при имени сестры.

– Она умерла. – Сухо ответил юноша.

– О, нет. Она жива. И очень беспокоится за свою семью. Твои родители ведь отплыли не так давно?

– Тебя послала Жанна? – С любопытством спросил Луи.

– Королева ничего не знает о нашей встрече. – Незнакомец зажмурился как кот. – Я лишь хочу сберечь тех, кто ей дорог. Ее семью.

Вериец с интересом наблюдал, как радость сменяет гнев на лице смертного. Сердце Луи выдавало гамму эмоций. Таких искренних, таких чистых!

– Вы не будете ввязываться в эту войну, доблестный граф. – Вериец сделал шаг в сторону смертного. Его тонкие губы позволили себе улыбнуться. – Вы будете в безопасности. Под моей защитой.

– Я дал клятву своему королю. – Вяло возразил Луи.

Тело плохо слушалось, будто юноша перебрал в дружеской попойке, язык едва шевелился.

– Ваш король уже продал свое королевство. – Вкрадчиво шептал голос. – Но не все еще потеряно, граф. Я не враг вашему миру. И не хочу этой бойни, так же, как и вы. Я хочу помочь.

– Зачем ты это делаешь? – Мысли путались все сильнее.

– Королева любит свою семью.

Глава 2. Королева Маледиктуса

Дай мне рухнуть вниз обреченным небом,

У моей тоски твой холодный взгляд.

Мир, где сны сбылись, оказался пленом,

В нем мне суждено потерять тебя.

(Маврин – «Боль, что осталась от нас»)

– Ваше величество? – Юная и прекрасная верийка будто только и ждала, когда девушка

проснется.

Жанна удивленно окинула комнату глазами. Это была все та же спальня, в которой она очутилась после церемонии. Тяжелый балдахин раздвинут, как и плотные портьеры темно-бардового цвета с золотой тонкой вышивкой. В окно заглядывает тонкий месяц – все, что осталось от луны. Взгляд безразлично пробежался по мебели, большому истертому гобелену, скользнул по фигуре незнакомой верийки, возившейся с кувшином для умывания.

– Меня зовут Одетта Солейн. Я – ваша статс дама. Наш род – одна из ветвей Гайос.

Внезапно Жанна заметила ту самую дверь, за которой встретила антрацитовую тьму Маледиктуса. Она инстинктивно прижала покрывало к подбородку, будто защищаясь. Каково же было ее изумление, когда створка открылась и в комнату вошли еще несколько разряженных девиц.

Все они представились королеве, но она тут же забыла их имена, хмурясь, пытаясь понять: не приснился ли ей полет через вязкую пустоту?

Утренний ритуал с умыванием, переодеванием королева выполнила механически. Не возражая и не выказывая одобрения.

Наконец, появилась Рейна.

В ночь Уз крови, когда Кейн оставил королеву, бывшая экономка Волчьего замка долго лила слезы, обнимая свою любимую госпожу.

– Бедная, что он сделал с вами! – Причитала Рейна. – Какой ужас! Так надругаться над чистой невинной душой!

Жанна, которая была рада видеть подругу, не совсем понимала, что ужасного произошло.

– Но ведь он пожалел меня, Рейна. Ничего ТАКОГО не случилось. – Тихо проговорила она, улыбаясь. – Я все та же.

– Ох, госпожа, все испорчено! – Испуганно зашептала Рейна, озираясь по сторонам, будто опасаясь, что король выглянет из-за портьер. – Князь...

– Ничего не хочу слышать! – Резко оборвала Жанна, вскидывая в упреждающем жесте указательный палец прямо перед носом Рейны. – Ни слова об этом трусливом лжеце. – Отчеканила она.

Служанка обиженно засопела, но прикусила язык. Мысли девушки пробивались в сознание, настойчиво пульсировали.

– Прекрати! Я слышу все, о чем ты думаешь! – Рассердилась полукровка, прижимая ладони к вискам. – Если хочешь остаться со мной, – даже думать не смей о своем хозяине!

Рейна кивнула и принялась убирать постель. Искреннее непонимание и досада все еще просачивались наружу, но смертная привыкла утаивать свои эмоции, сосредотачиваясь на повседневных мелочах.

Жанна потратила несколько минут открывая и закрывая заветную дверь, чтобы хоть как-то заглушить обиду на Фауста. Ничего не происходило: дверь вела в небольшой коридор, заканчиваясь лестницей.

«Крепость ведет Кейна туда, куда он пожелает. – Подумала девушка, оставив дальнейшие попытки. – Но почему-то не слушается меня. Или надо очень захотеть куда-то попасть?»

А потом появилась Лилит. И жизнь стала невыносимой. Волшебница явно недолюбливала лоринку: не смотря на сдержанный тон и вежливую улыбку, Лилит не церемонилась с новоявленной правительницей.

Волшебница пыталась обучить Жанну своей магии. Каждый урок сопровождался ироничными советами.

– Постарайтесь, ваше величество. Мои ученики освоили это заклинание за три минуты... Ваша природа, конечно, на разных уровнях развития. Признаться, мне

не доводилось еще обучать лоринцев. Я не уверена, что в вашем мире сохранились хоть какие-то знания о первородной энергии.

Жанна пробовала. Для нее все бормотания и жесты, которые демонстрировала волшебница, казались бессмысленными танцами с бубном, как у аборигенов диких племен Сааддана. Брезгливость, с которой Лилит отдергивала руку, стоило девушке случайно задеть ее, дистанция в два шага, язвительные замечания...

И все это – в присутствии десяти фрейлин, обменивающихся выразительными взглядами, нарочито громко зевающих с постными лицами.

В этот раз все было немного по-другому. Лилит гордо восседала в кресле, ее тонкие пальцы снова и снова чертили узоры в воздухе, а звонкий голос повторял слова. Жанна устало повторяла за волшебницей, но ничего не получалось.

– Вы безнадежны. – Самодовольно произнесла Лилит. – магия Ми-Сойличте не для вас. Впрочем, я не уверена, что и верийские Дары проявятся у полукровки.

Шелестящие мысли фрейлин пронеслись бессвязным комком. Жанна пыталась вслушаться в этот шум. Но менторский голос Лилит звучал громче.

– Не понимаю, зачем Кейн заставляет меня этим заниматься! Ваше происхождение чуждо магии.

– С чего вы взяли, что Ваша магия подходит мне? – Нахмурилась Жанна. Ей надоело выслушивать колкости от высокомерной волшебницы. – Может, это у Вас недостаточно знаний, чтобы обучать лоринку? Ваши суждения построены на личном опыте. Не более.

Лилит поразились наглости полукровки. Ее глаза вспыхнули, голос стал холодным и острым как нож.

– Ты – лишь инструмент для достижения цели. – Лилит повела бровью. – Одно только слово Кейна – отправишься развлекать полукровок в казармах Маледиктуса.

Фрейлины жадно внимали каждому слову. Жанна покраснела, задохнулась от возмущения.

– Ты говоришь с королевой!

– Ты же не вообразила себя настоящей правительницей? – Хмыкнула Лилит. – Место рядом с богом нужно заслужить.

В едких словах полукровка распробовала что-то личное. Горькое, липкое как отчаянье. Воздух чуть задрожал, перед глазами мелькнул белоснежный город, окутанный песками. Лицо сидевшей перед ней девушки вмиг осунулось, покрылось морщинами...

Жанна растерянно помотала головой, пытаюсь скинуть морок. Но Лилит все поняла.

– Все в этом мире не такое, как кажется, Ваше величество. – Стиснув зубы, произнесла волшебница.

Она отвернулась от ненавистной королевы, сделала несколько быстрых жестов в воздухе, скрывая свои воспоминания и облик.

– Стоит углубиться в знания, а не мою душу!

– Ты предала свою семью? – Против воли сорвалось с губ Жанны. Ее пытливый взгляд прошивал насквозь.

Следовало бы промолчать, но остановить свой быстрый язык чужестранка уже не смогла.

– Они все умерли из-за твоего тщеславия. Твой отец до последнего не верил, что это ты! – Затараторила королева. – Твоя рука открыла город, кровь сестер и братьев стекала по ступеням твоего дома. Ты стояла перед Ним, покорно склонив голову... Так ты заслужила свое место возле трона?

Девушка рассеяно моргнула, видения пропали. Фрейлины застыли, точно каменные, прислушиваясь, запоминая каждое слово.

На душе стало тяжело и неприятно. Жанна с презрением рассматривала ту, что кичилась своими знаниями, высмеивала ее.

– Пошла прочь. – Приглушенно прошипела Лилит. Воспоминания обожгли краской лицо!

Забытое предстало перед Лилит слишком ярко, разбередив то, что смертные называли совестью. Будто снова ее руки были перепачканы кровью отца, а удивленный и растерянный взгляд наполнился горечью.

«Лилит?» – Произнес отец. – «За что, дочка?»

Он так никогда не называл ее! Лилит всегда думала, что верховный жрец Ми-Сойличте видит в ней продолжение рода, будущую правительницу. Только требует и критикует. А он любил ее.

– Твоя жертва была напрасна. Пустая и жестокая! – Жанна с внезапной жалостью положила ладонь на руку Лилит. – Он любил тебя...

Непрошенные слезы заполнили глаза последней из рода пустынных магов, красивое лицо исказила мука. Волшебница выбежала прочь.

Жанна не до конца поняла, что произошло. Душное и теплое нутро Маледиктуса давило, королева, задыхаясь, поспешила выбраться на свежий воздух, на ходу срывая пуговицы рубашки возле шеи.

Дрожали руки, снова и снова вставали в памяти неведомые, прекрасные улицы города: залитые розовым рассветом окна, высокие золоченые шпили, белоснежные стены, запятнанные алой кровью... Мелькали чьи-то искаженные лица, звучали крики и слезы, детский плач, быстрые высокие тени в алых доспехах, слепили вспышки магии.

Жанна почувствовала, как подкатила тошнота, схватилась за край крепостной стены. Лихорадочный озноб неприятной волной прошелся по спине, задрожали ноги.

Морозный воздух смотровой площадки обжигал. Пахло свежестью, на небе выцветали звезды. Несколько глубоких вздохов: прогнать, прогнать этот ужас из головы!

Странный Дар как будто успокоился и придворные, что с любопытством прогуливались неподалеку, выглядели вполне обычно. Жанна кивнула двум блестящим дамам, заметила Одетту Солейн с группой фрейлин и обреченно вздохнула: ей не дадут передышки!

Истинные носили цвета своих Домов, а фрейлины королевы следовали строгим правилам, их кроваво-алые платья медленным пятном приближались к Жанне. Эти фурии ни на минуту не спускали глаз с чужестранки.

Откуда ей было знать, что странный Дар был ничем иным, как результатом сплетения Нитей судьбы и Уз крови.

Прилив чужих откровений пугал: когда реальность окончательно вернулась – слабость и, ломота скрутили тело.

– Идемте, ваше величество. – Поклонилась Одетта. – Волшебница несколько забылась. Ее поведение не достойно двора Маледиктуса. Прикажите наказать Лилит за нарушение протокола?

Жанна растерялась. Она не знала, какое наказание назначить представительнице Малого совета и имеет ли она право отдавать такие приказы без ведома Кейна.

– Поручите это вашему секретарю. – Посоветовала другая фрейлина. – Герцог Раск никогда не ошибается в своих решениях

К великой досаде Лилит, Дары Вереса все же появились у королевы. Стараниями Эрика Раск, личного секретаря Кейна, королева начала тренироваться с простыми солдатами. Его же стараниями Лилит была отстранена от обучения Жанны.

Поединки сначала были простыми, девушка занималась с полукровками, что не так давно прошли Ритуал. И если новообращенным требовалось достаточно много времени, чтобы освоить военную науку, то Жанна инстинктивно защищала себя Дарами.

После того, как ее последний противник впал в транс и принялся отчаянно лупить сам себя тренировочным оружием, наставник обратился за помощью к учителю юных Истинных из Малых домов. Но и там случился казус: отважный отпрыск благородного дома забился в судорогах, когда попытался нанести рану королеве.

«Твоя королева слишком быстро обретает силу. Зачем тебе это? Нахалка ходит с гордо поднятой головой, будто Верес принадлежит только ей! В первой же битве это ничтожество встанет на сторону своих лоринцев! Опомнись, Кейн! Полукровка возомнила себя равной верийцам!»

Письма Лилит вызывали усмешку на губах Кейна, но волшебница этого не знала. И лишь однажды король снизошел до ответа:

«Ты так боишься полукровки, Лилит?»

Больше она не пыталась вразумить Кейна. И да, она боялась. Незнакомка из враждебного мира упрямо не признавала своей неполноценности, с нежной грацией шествовала она по галереям крепости, полная достоинства и уверенности в себе.

Лилит знала, что Жанне приходилось не сладко в окружении Истинных. Тем больше демонстрировала королева свой несгибаемый характер, требовала подчинения и уважения к своей персоне.

Гуляли по Маледиктусу едкие стишки и записки, несколько раз таинственным образом были испорчены богатые платья ее величества. В один из дней кто-то срезал у спящей Жанны прядь волос. Доставалось и рыжей горничной: смертные Маледиктуса не принимали ее, мешали исполнять обязанности, чинили препятствия, с каким бы поручением Рейна ни носилась.

Правда, тайная канцелярия бросила в подвалы нескольких полукровок, три аристократки навсегда были отлучены от королевского двора, а четверых

смертных высекли плетьюми за попытку скинуть Рейну с лестницы.

Первая волна ненависти утихла и дворянство продолжило вести войну менее радикальными способами. Какой бы ни была сильной чужестранка, ей было сложно одной противостоять стоглазой озлобленной верийской знати.

Теперь королева могла поквитаться со вчерашними обидчиками, ведь заветные Дары Вереса не обошли ее стороной. Уже поплатились две глупые девицы из дома Бьёрди, что осмелились пошутить над хрупким телосложением Жанны и ее умственными способностями.

Лилит слышала, что одна из Истинных до сих пор путает сон с явью после того, как выбила из рук лоринки веер и во всеуслышание заявила, что никакими ширмами не прикрыть гнусное происхождение полукровки.

Соперники в поединках становились все сильнее, пока, наконец, напротив Жанны не оказался сам Лино ди Герра. С появлением Наставника, двор оживился: все помнили первую встречу герцога и Жанны. У мужчины был весомый повод мстить гордой красавице и в этот раз зрелище обещало быть весьма увлекательным!

Блестящий аристократ, непревзойденный мастер меча, гроза всех офицеров в армии Кейна, Лино обучал новобранцев среди Истинных. За право отдать отпрыска столь искусному учителю боролись как восемь великих Домов, так и менее знатные вассалы. Лино брал не всех.

Лукавый герцог выбирал лишь особенно одаренных. Его протекция помогла многим аристократам построить блестящую военную карьеру.

Встреча была неизбежной, и король справедливо рассудил, что строптивому герцогу лучше дать возможность наладить отношения с лоринкой. Кейн сомневался, что Лино сдержит свой нрав, но демонстрация дружественного расположения должна была облегчить жизнь юной и слишком чужой для верийцев королеве.

Лино был хитер и жесток, а потому сумел отстоять свое право на жизнь. В юном возрасте Истинный избавился как от сводного брата, так и от собственного отца, став полноправным хозяином южного княжества Флос, а также западных горных

долин ди Герра.

И теперь его топазовые глаза изучали Жанну с ног до головы. Лино жалел, что не может убить девчонку, но ведь он может ее изрядно помучить и покалечить.

– Я наслышан о ваших успехах, моя королева. – Герцог вежливо поклонился.

Жанна нервничала. Она знала, что Лино не может переступить через свой страх перед Кейном, сыном Вереса, королем Сумеречных земель и новым богом. И чувствовала затаившееся предвкушение крови в этой высокой широкоплечей фигуре Истинного.

– Я очень надеюсь, герцог, увидеть ваше мастерство. – Сдерживая дрожь в голосе, отозвалась Жанна.

Протокол был исполнен. Правила были просты: не убивать и не применять магию Даров.

Замерли в предвкушении верийцы, внимательно наблюдая за соперниками, тихо перекидывались мыслями фрейлины королевы.

Жанна заметно нервничала. Ее уверенность растаяла с первыми же росчерками меча Лино.

Герцог напоминал тень. Он кружил вокруг, исчезая и появляясь быстро и незаметно, даже воздух едва шевелился от его движений. Сверкало лезвие в умелых руках, плясали алые искры в глазах.

Чтобы заблокировать простые, но вполне смертельные удары, девушке приходилось зорко следить за соперником. Но вот голова пошла кругом, выпады верийца становились все быстрее, точно в безумной пляске. Только что он был в двух шагах, и вот уже несколько пропущенных взмахов отозвались болью, на пол потекла первая кровь.

Отвлекали жадно наблюдавшие за поединком аристократы. Точно почуяв, что сейчас маленькая бунтарка получит по заслугам, Истинные позволили себе выказать поддержку герцогу ди Герра: с восторгом встречали они его успехи в

поединке, мерцали полные ненависти мысли.

Ах, если бы Раск присутствовал сейчас здесь! Как не хватало девушке хоть одного теплого слова, понимающего взгляда.

Все силы уходили на оборону. Королева старалась поймать ускользающего Лино, предугадать его приближение. Но разве можно было схватить свою собственную тень?

А вериец забавлялся от души. Он уже прочувствовал момент, когда полукровка утратила контроль над ситуацией. Она металась из стороны в сторону, расходуя драгоценную энергию.

Медленные, слишком предсказуемые рывки королевы, нервная пульсация ее крови, частое сердцебиение и растерянные попытки атаковать. Она выдавала себя каждым движением глаз, каждым вздохом. По одному только лицу Лино мог понять, каким будет следующий шаг лоринки.

Несколько раз Жанна решалась вырваться из угла, в который ее загнал Лино. Это стоило ей новых ран и перелома. Полный боли крик бальзамом лег на душу мстительного верийца!

Панический страх холодным потом облепил полукровку.

Если бы не было всех этих зевак, Лино с удовольствием показал бы девчонке, что значит трогать его собственность, лишать жизни пусть постылую, но его, великого герцога, любовницу! Жанна не отделалась бы переломами и этими жалкими ранами.

Нет, герцог уже в красках представил, как снова и снова заставит лоринку умолять о пощаде, как будет давить сапогом ее ладони, пока не захрустят кости, выцарапает глаза и отрубит язык... Утащить проклятую суку за волосы в Флос Конвалис, посадит на цепь рядом с собаками и будет кормить время от времени, чтобы не сдохла.

Наконец, Лино остановился.

– Что же, боюсь, ваше величество, продолжать не стоит. – Он самодовольно и сыто усмехнулся.

Собственные фантазии слишком взбудоражили кровь, герцог уже обдумывал, как утолит эту жажду крови.

Жанна кожей ощущала злорадство Истинных, ловила короткие реплики презрительного содержания. Такой опозоренной она чувствовала себя, когда впервые Кейн заставил ее прийти на урок.

Уязвленная гордость клочкотала внутри. Жанна, с перекошенным от ярости лицом, вскинула руку.

Герцога придавило к каменному полу, тонкие золотые нити медленно потянулись из груди.

– Хватит! – Лилит недовольно нахмурилась. Тугой сгусток горячего воздуха ударил Жанну в спину, разрывая заклинание.

Тело, израненное мечом, покрытое синяками, ныло. От усталости все теряло реальность. Но девчонка своенравно вскинула подбородок. Теперь досталось Волшебнице: словно земля ушла из-под ног! Лилит пошатнулась, неловко раскинула руки и упала рядом с Лино.

– Ваше величество. – Приглушенно прошептала Лилит. – Остановитесь, прошу.

Кажется, женщина была искренне напугана! Она не могла пошевелиться, ее жизнь и магия медленно и настойчиво тянулись к обезумевшей королеве, срывая маску с давно постаревшего лица. В горле застряло готовое вот-вот сорваться смертельное заклинание.

Жанна плотнее поджала губы, Лилит и Лино разлетелись в разные стороны. Королева вздохнула, сделала несколько шагов в сторону герцога ди Герра.

– Вы правы, герцог. – Холодно произнесла она, сдерживая готовые хлынуть слезы. – Я – не воин. Вы преподали мне сегодня хороший урок.

Девушка испытующе окинула присутствующих. Верийцы притихли, лишь огоньки их глаз светились, точно светлячки в полумраке зала. Хотелось упасть на холодный каменный пол без сил и разрыдаться... Еще больше хотелось закрыть глаза и очутиться дома, почувствовать теплые руки матери, услышать веселый смех брата и сестры, басовитый голос отца. Увы, об этом можно было только мечтать. Жанна была бы рада даже Фаусту с его непонятной и тиранической заботой.

«Ты всегда ждал, что он признает тебя – вспыхнуло в голове герцога ди Герра. – А он смеялся и называл тебя ублюдком! Твой отец никогда не умел и не хотел тебя любить, считал жалким и слабым!»

Лино побледнел, насколько это было возможно.

«Ублюдок! Я ненавижу твою мать! И ты – такой же выродок, как она!» – Перед Лино встало надменное лицо отца...

– Надеюсь, вам понравился Мой урок. – Добавила Жанна, прежде чем повернуться спиной.

Лино промолчал. Лилит ошеломленно уставилась на девчонку: откуда в ней взялась эта вспышка гнева? Она всегда была кроткой и напуганной. Ах, если бы не приказ Кейна! Липкий страх коснулся великой Лилит!

– Чертова сука! – Наконец выпалил Лино, вскакивая.

Волшебница почувствовала брошенный в спину королевы Дар, но не стала вмешиваться.

Девушку накрыла боль. Казалось, все внутренности вот-вот взорвутся, а кровь вскипит. Жанна истошно закричала, споткнулась и упала на колени. Лопнули сосуды, все помутнело.

Будто кто-то пытался разорвать голову изнутри. Она попыталась встать и ответить своими Дарами, но герцог не давал ей опомниться от болевого шока, снова и снова сдавливали тяжелые тиски.

Удары посыпались градом. В отчаянье, Жанна собрала оставшуюся волю в кулак, заставила себя перетерпеть боль. Она наконец почувствовала противника, услышала стук его сердца, ощутила его удовольствие от победы и атаковала!

Со стороны это выглядело странно: только что Лино смеялся, его сжатая в кулак рука взвилась вверх, как вдруг он замер.

Истинный оцепенел. В хрупких девичьих руках сверкнула Нить судьбы.

Это было невозможно! Немыслимо! Только Кейн обладал полной властью над верийцами! Однако же, Жанна медленно накручивала жизнь герцога на руку, намереваясь забрать душу целиком.

«Отпусти!» – Прозвучал в голове приказ.

«Нет!» – Заупрямилась Жанна, даже не удивившись тому, что слышит голос Кейна.

Раздался чуть слышный смех, кто-то толкнул в самое сердце. Жанна провалилась в забытие. Это и спасло Лино от смерти.

Жанне не хотелось возвращаться в спальню короля, где все напоминало о ее владельце.

О дне после церемонии, когда их кровь смешалась, а души сплетались в узор снова и снова, сознание сливалось в одно и Жанна не могла отличить свои мысли от чужих.

До самого заката Кейн и Жанна сидели напротив друг друга. Во всю огромную комнату раскинулась сеть. Голубые и золотые искры перетекали по линиям, образовывали новые витки. Мысли кружились вереницей, проносились перед глазами картины: чужие миры, непонятные для Жанны отрывки чьих-то жизней. Она не могла уловить взаимосвязь. Лишь понимала, что перед ней воспоминания Кейна.

Слишком длинной и слишком жестокой была жизнь верийца. Слишком быстро крутился калейдоскоп событий. Наконец, разум перестал воспринимать реальность, блаженное забытие поглотило девушку. Когда королева пришла в себя, перед ней была Одетта Солейн....

Жанна поняла: к скреплению уз верийцы относятся строже, чем к физической близости.

Она удивилась, когда обнаружила, что иметь фаворита или любовника – в порядке вещей для аристократов. Лилит снисходительно объяснила: сложно сохранить интерес друг к другу на протяжении веков. Это даже дико – требовать бесконечной верности от своего супруга, когда самое ценное – Душа – уже принадлежит тебе всецело.

Сама по себе физическая близость не имела никакого значения: верийки становились матерями только в браке. Истинные рождались очень редко, если в семье было двое детей – это считалось хорошей работой жрецов Вереса, что удачно подобрали пару.

Ее права и обязанности были строже, чем у других аристократов. Целая куча каких-то протоколов делала жизнь невыносимой, заставляла уделять внимание обитателям Маледиктуса, принимать решения по непонятным вопросам. Впрочем, последним в основном занимался секретарь Кейна, Эрик Раск.

Эрик Раск принадлежал к сгинувшему роду северных верийцев. Его происхождение было благородным, но далеким от старших Истинных. Более всего Жанну удивлял внешний вид секретаря: совсем юное насмешливое лицо скрывало за собой не одну сотню лет и вводило в заблуждение.

Эрику можно было доверять. И это редкое свойство значило очень много для той, кого ненавидели почти все в Маледиктусе.

Секретарь сразу понял бесполезность новоявленной правительницы, а потому охотно помогал ей. Кроме того, их объединяли общие взгляды: Раски давно стремились к изменению общественного строя в Сумеречном королевстве, надеялись облегчить жизнь смертным.

Род Раск не был ни жесток, ни тщеславен.

– Мои предки никогда не обладали жаждой власти. – Смешно поморщил нос Эрик. – Мы все больше занимались наукой и просвещением. По сей день в маленькой провинции нашего Дома смертные – самые счастливые люди Вереса. Мы не вмешиваемся в их быт и уклад, помогаем в трудные времена.

– Почему другие Истинные вас еще не уничтожили? – Спросила Жанна.

– Не зачем: наши земли не настолько лакомый кусочек, наши Дары направлены на созидание, в них нет боевой мощи.

– Но ты – приближенная к королю особа.

– Я всего лишь его правая рука. – Улыбнулся герцог. – Кейн выбрал наш род не за древнюю кровь, а за преданность. Не думайте, что я чист: на моих руках не меньше крови, чем у других. Но, в отличие от остальных Домов, наш род не сторонник скорых и бездумных расправ. К тому же, я говорил, что знаю все, на что способны подданные Кейна. Я вижу чужие Дары.

– И мои? – Поинтересовалась Жанна.

– Только те, что уже проявили себя. – Раск взял запястье королевы, всмотрелся в пульсирующую по венам энергию. – Полукровки не обладают Дарами. Если вы и были кем-то до Ритуала, то теперь вы – полноценная верийка. Такого в нашем мире еще не было. Клянусь Вересом, жрецы сделают все, чтобы разгадать эту загадку. Следует быть осторожнее.

Беседы с Эриком Раском доставляли настоящее удовольствие королеве. Преданная Рейна и секретарь Кейна скрашивали мрачные будни в Маледиктусе. Только эти двое слышали смех Жанны в короткие и светлые моменты между обязанностями и обучением.

«Не отводите взгляда, поблагодарите, стоит улыбнуться, это – третья ветвь Ольгарта, будьте осторожны!» – Звучали советы в голове королевы.

«Сегодня вы навестите Биорди, он ненавидит Фирров, вассалов Лино ди Герра. В храме Вереса будет служба, мы должны почтить своим присутствием...»

Маленькая, не плодородная почва герцогства Раск заставила ее владельца и его смертных проявлять изобретательность: лампы, под которыми урожай созревал раньше времени, механизмы, облегчавшие труд, эксперименты с растениями и животными, производство...

Герцогство умело превращало сырье в готовый продукт за считанные дни. Не прошло и двух десятков лет, как соседи начали съезжаться к Малому Дому в поисках дружбы и выгодных сделок, а правая рука бога Вереса, будущий мятежник Кейн, обратил свой взор на незаурядную семью Раск.

Жанна скрывалась в своем маленьком убежище. Ей дали покой. Лишь изредка ее посещал кто-нибудь из свиты. Маледиктус гудел как растревоженный улей: хрупкая чужеземка уже не выглядела такой легкой добычей, да и характер королевы явно был переменчив. Слишком юная, слишком непредсказуемая, слишком живая.

Кто-то провел рукой по ее волосам.

– Рейна? – Жмурясь, точно от солнечного света, спросила она, но тут же поняла, что ошиблась. Ветивер, горькая полынь.

– Сожалеею, моя королева, это всего лишь ваш покорный слуга.

Жанна, наконец, разглядела переполненное сочувствия лицо, склонившееся над ней. Бескровное, осунувшееся, с двумя тлеющими глазами-углями. Она так давно не видела его.

Рядом сидел Фауст.

Как же он нашел ее? Жанна нарочно выскользнула из спальни еще днем, чтобы укрыться от нравоучений Раска, залечить свою гордость и тело. Секретарь, не довольный поступком подопечной, тактично передал записку через Рейну, но лоринка понимала: стоит ей выйти из этой комнаты – неприятной беседы не избежать.

– Вы были ранены, моя королева... – Выдохнул он, сжимая тонкую ладонь девушки.

– Вот только не надо жалости. – Она погасила первую вспышку радости и холодно отстранилась. – Мой муж прибыл с вами? – Осторожно поинтересовалась Жанна.

Девушка села, прогоняя остатки блаженного забытья, чуть отодвинулась в сторону.

– Нет, моя королева. Кейн остался с войском.

– Благодарю. – Облегченно отозвалась Жанна. – Как вы нашли меня?

– Не составило труда: я найду вас везде. – Чуть более эмоционально, чем следовало, отозвался князь. – Как вы себя чувствуете? У вас очень измученный вид...

– С каких пор вас, князь, беспокоит мое самочувствие? – Язвительно бросила Жанна, метнув в него уничтожающий взгляд.

Она ничего не знала о происшествии на крепостной стене. Для нее вериец был предателем и лжецом. Неслыханная наглость: он пытается сделать вид, что ничего не произошло. Будто не Фауст трижды обманул ее и убил Маргери. Опасно уязвленная в своих чувствах, девушка с ледяным безразличием наблюдала, как еще больше побелело лицо верийца.

– Было ошибкой вернуться в Маледиктус. – Тихо произнес князь, терзаемый каждым услышанным словом.

– Это верно. – Зло кивнула она и отодвинулась еще дальше. – Зачем вы здесь? Если для меня нет важных новостей, – можете быть свободны. В крепости хватает льстивых и двуличных аристократов. – Королева непримиримо скрестила руки на груди.

– Король велел мне обучать вас, Ваше величество. – Подавлено отозвался вериец.

Что-то изменилось в князе. Он, действительно, выглядел бесконечно уставшим, осунувшимся. И только сейчас Жанна поняла, что верийцы, всегда безупречно-красивые и утонченные, не могут выглядеть так раздавлено. Она уже жалела о проявленной бессердечности, отмечая все новые признаки болезненной утомленности.

Ради этой встречи Фауст выполнял тысячи поручений. Ему пришлось быть очень осторожным: Кейн наблюдал за ним, а потому, встречаться с герцогом Свейном становилось все тяжелее. Но он по праву считался лучшим в своем деле и мог обвести вокруг пальца кого угодно.

Прийти сюда было очень сложно. Он не хотел сдаваться до последнего. Как ни старался Истинный, уязвленная гордость и благоразумие проиграли перед желанием еще раз заглянуть в эти глаза.

Кейн снисходительно позволил Фаусту вернуться в Маледиктус, чтобы заменить безумного герцога ди Герра.

– Я слышал, Лино перестарался с Вашим обучением.

– Напал на меня со спины. – Она сердито засопела. – Надо было разделаться с этим трусом. Жаль, не хватило сил довершить начатое!

Фауст удивленно посмотрел на королеву. Определенно, перед ним была уже не та милая девушка, которую он знал.

Маледиктус менял лоринку. Беспокойство, раздражение, усталость от изматывающих визитов, обучения, ошибок. Все промелькнуло быстро. Все и вся объединились в Маледиктусе, чтобы непрерывно напоминать королеве об ее обязанностях, посмеиваться над незнанием вековых обычаев, молчаливо попрекать не слишком благородным для Вереса происхождением.

– Откуда такая кровожадность?

– Он пытался меня убить. – Сквозь губы процедила красавица.

– Ты первая нарушила правило, Жанна. – На мгновение он забылся, пытаясь перейти на прежний нравоучительный тон. Но тут же спохватился и добавил чуть тише. – Вы разбудили в нем не самые лучшие воспоминания.

– Лино должен был учить меня, а не унижать перед подданными. – В звонком голосе прозвенела сталь. – И ни один из этих трусов не попытался его остановить! – Девушка презрительно хмыкнула. – Теперь они хорошо подумают, стоит ли смеяться надо мной. Видел бы ты, о чем мечтал этот сумасшедший! За одно это стоило отрубить его голову.

Холодок пробрался под сердце князя. Такие интонации были характерны для Кейна. Упрямство, гордыня и злость. Казалось, черты лица Жанны стали острее.

– Вы изменились.

Она вскинула на него свои фиолетовые глаза. Буря стихала, кровавые искры гасли. Как могла она остаться собой? Легкой и грациозной девушки, что игриво и непринужденно заводила любой разговор, затевала веселье, вносила шум и смех, больше не было.

– Может быть. – Нехотя согласилась Жанна. Голос стал мягким и подавленным. – Никогда раньше я не могла узнать, что обо мне думают другие. Теперь весь Маледиктус боится меня. Они шепчутся за моей спиной.

Она замолчала, вскинула свои бездонные глаза, лихорадочный блеск вернулся, зазвучала приглушенная ярость.

– А я вижу их насквозь! Они все хотят моей смерти, все завидуют мне...– Я слышу его голос! – Она почти кричала. – Он следит за каждым моим шагом!

– Остановись! Это не ты. Не беспокойся. – Фауст крепко сжал ее ладонь, передавая силу своего Дара. – Я буду рядом столько, сколько тебе понадобится. – Власть – самое тяжелое испытание для неокрепшей души. Правда способна свести с ума. – Вериец прижался губами к ее дрожащим пальцам. – Не погружайся так глубоко во двор Маледиктуса. Ты думаешь, что поняла верийцев, но они играют с твоим разумом, Жанна. Они ненавидят тебя и боятся, это – правда. И способны вызвать паранойю, беспокойство... Вижу, им это не плохо удается. – Пальцы князя бережно коснулись висков красавицы. – Не

позволяй им манипулировать собой.

Как ни странно, его Дар по-прежнему действовал безотказно на изменившуюся лоринку. Однако же, было очевидно, что связь между Жанной и Кейном уже образовалась и окрепла. И чем дальше – тем сложнее будет ей уйти от этого влияния. Искра, живая и свежая, угасала под гнетом чужой воли.

– Кто сказал вам, что я хочу, видеть вас рядом? – Иронично поинтересовалась Жанна и отвернулась, избавляясь от заботливых прикосновений.

– Вы вольны прогнать меня. – Князь встал, ни жив, ни мертв. – Но я должен выполнить приказ короля. – Севший от волнения голос заставил девушку передумать.

Он направился к выходу, борясь с отчаяньем. Неужели слишком поздно?

– Постой. – Жанна уловила отголоски его эмоций. – Я не отпускала тебя. Я не вправе противиться воле Кейна. Если король считает, что так должно...

Жанна знала, что Лино ди Герра отбыл в распоряжение короля. И знала, что Кейн жестоко покарал своего слугу: он подвесил герцога на высоком дубе, снова и снова наблюдая, как он умирает и воскрешает, пока лицо Лино не покрылось сетью морщин, а внутренняя энергия не истощила себя. Казнь наблюдала половина армии.

В конце концов, король помиловал герцога. Теперь Лино придется потратить много времени, чтобы вернуть себе былой облик и силу.

Новое развлечение для двора Маледиктуса состояло в бесконечной слежке за королевой и ее новым учителем, князем Гевальт. Эрик Раск напутствовал Жанну быть сдержанной, не реагировать на уколы знати и соблюдать дистанцию с Фаустом. Настолько почтительную, насколько это возможно.

Насмешливые и язвительные верийцы превратили честь королевы в предмет фривольных насмешек и неусыпно следили за каждым шагом этой пары,

надеясь поймать алчным взором излишне крепкое рукопожатие, а, может, уловить слишком теплую интонацию в голосе.

Это напряженное преследование давило еще больше, чем ненависть, которую питали верийцы к чужеземной и слишком юной королеве.

Невозмутимая вежливость, нарочито официальный тон, которого Жанна придерживалась в общении с Фаустом, выдавали обиду. А значит, опальный князь что-то да значил для девушки. Это юное существо, в котором играла молодая кровь, которое не привыкло скрывать своих чувств и желаний, не способно было противостоять искушенным в осаде Истинным.

К вящему удовольствию Маледиктуса, скрытая симпатия князя и королевы стала очевидна. Чем дальше – тем быстрее забывала Жанна все ошибки князя, цепляясь за него, будто обреченный за соломинку, лишь бы не утонуть в этом омуте непонятных и враждебных интриг.

Их совместные занятия приносили плоды. Сначала он всегда побеждал. Объясняя шаг за шагом, как использовать преимущества бесчувственного и всесильного тела, милосердно щадил, нанося удары в пол силы. Догадавшись, Жанна разозлилась и тоном, требующим подчинения, приказала более не поддаваться.

Фрейлины и статс дама присутствовали на каждом уроке, но вскоре им это наскучило. С охотного позволения ее Величества, они, одна за другой, уклонились от дальнейшего сопровождения королевы. Ничего интересного для них не происходило, а Дары, которыми пользовались Жанна и Фауст, иногда (нарочно или случайно?) становились опасной угрозой для праздных зрителей.

– Воин из тебя не получится. – Честно признался князь после очередного урока. – Твоя сила – Дары.

– Жаль. – Без энтузиазма согласилась девушка. – Мне очень понравился твой подарок на... – Она потупила взгляд. – В общем, я так ими и не пользовалась.

Речь шла о двух восхитительных саблях, подаренных князем на Церемонию Уз крови.

Жанна развернула подарок на следующий же день. Ничего лишнего не было в этом оружии. Выгравированные на лезвии руны обещали победу. Рукоять легко и удобно легла в ладонь, не отягощая своим весом, оба клинка были изготовлены специально для Жанны.

«Под ваш невысокий рост и хрупкую неуверенную руку» – Произнёс тогда князь.

– У тебя еще будет такая возможность. – Улыбнулся Фауст. – Но, надеюсь, все же не скоро.

Заря занималась, начинали щебетать птицы. Весна была в самом разгаре. Снега давно растаяли в долинах, первые цветы наполнили воздух ароматами. Острое обоняние постепенно привыкало к обилию запахов, но теперь стало понятно, почему Маледиктус стоит в холодных горах.

– Что происходит в Лорин? – Как бы, между прочим, поинтересовалась Жанна.

Они медленно шли в сторону крепости по разбитой каменной тропинке.

– Кейн побеждает. – Сдержанно отозвался Фауст, искоса бросая внимательные взгляды на свою спутницу.

– Моя семья? – Нахмурилась лоринка.

– Среди погибших нет никого из твоих близких. Уверен, они в безопасности.

Девушка вздохнула, погрузилась в свои мысли. Советник что-то не договаривал. Или не хотел печалить Жанну сейчас, когда ее гнев сменился милостью, или?

Фауст ждал, что она начнет расспрашивать о его делах в Лорин, просить о помощи, но королева молчала. Тем лучше. Жанна будет рада, когда узнает, что ему удалось спасти все семейство де Стрейн. Этот козырь вериец прибережет.

Королеву ждал Эрик Раск со своим списком дел, Одетта Солейн со своей фальшивой улыбкой, но мыслями Жанна была в Лорин. Иногда в своих снах она видела Кейна, осколки битвы. Было ли это реальностью или просто результатом бесконечных переживаний?

Король верийцев не всегда был таким холодным, об этом ей поведало одно из воспоминаний Кейна, что иногда накрывали Жанну.

Первый и последний визит в Карьяд Кейн запомнил навсегда. Мир разрушался от бесконечных войн между карьядцами.

Вериец стоял среди густого, не тронутого цивилизацией, леса. Знойный запах луговых трав сочился вместе с ярким солнечным светом через густые кроны деревьев. Перекликались между собой птицы, шумела где-то недалеко река.

Кария воздвигла свое убежище здесь, среди девственной и непроходимой чащи. Ее Храм тысячи ступеней возвышался над широким хрустальным водопадом.

Кария сама пригласила Кейна, и он был удивлен этим.

Юноша сделал несколько шагов по влажной от росы траве, когда навстречу ему вышли три хрупких, почти прозрачных создания. Их тела переливались как вода в горном ручье, играли на лицах блики солнца. Вместо глаз – приглушенные огоньки молочного цвета.

– Богиня ждет тебя. – Про журчал голос одного из флориев.

Флории были помощниками Кари, равно как верийцы для Вереса.

– Позволь проводить тебя. – Все трое учтиво поклонились.

Кейн безразлично пожал плечами и кивнул.

Великолепный лес расступался перед флориями узкой тропой, что петляла между зарослями жасмина. В глаза бросились тысячи разноцветных бабочек, порхающих с одного цветка на другой. Их пестрые яркие крылышки шелестели в воздухе: большие, маленькие, всех немыслимых оттенков.

Кейн с любопытством осматривался по сторонам: после холодных монотонных просторов Вереса, Карьяд казался сказочным раем. Сладкий легкий аромат жасмина разливался над Дорогой бабочек. Шепталась под ногами изумрудная трава, звонко пели друг другу крохотные голосистые птицы. Теплый ветер касался щеки.

Ровно тысячу ступеней прошел вериец за своими провожатыми. Лестница, вырезанная из скалы, вела вдоль грохочущего водопада. Скользкие узкие ступени норовили сбросить гостя, холодные брызги летели со всех сторон.

– Мы пришли. – Наконец, произнес один из флориев, почтительно пропуская Кейна вперед.

Храм Кариин, вопреки ожиданиям, оказался скромн: небольшой и невысокий, потемневший от времени. Вьюны расползлись по стенам, захватили резные и стройные колонны.

Черным провалом зиял вход.

Кейн решительно шагнул внутрь и попал в цветущий перистиль, в центре которого журчала в каменной чаше фонтана вода. На краю сидела сама Кария.

– Здравствуй, Кейн. – Приятным и мягким голосом произнесла богиня и шагнула навстречу гостю.

– Здравствуй, Кария. – Ответил вериец. – Ты хотела видеть меня.

– Да. – Легкая улыбка тронула губы. – Понравился ли тебе Карьяд?

– Я видел не много. – Скромно ответил Кейн.

– И это верно. – Улыбка потускнела. – Идем, я покажу тебе мой храм. Не гоже с порога начинать говорить о делах.

Кейн кивнул и последовал за богиней. Кария воплощала в себе воздушный и женственный образ: белоснежная кожа, алые губы, сияющие голубые глаза. Тонкий стан в легком белом платье, золотистые белокурые волосы. Ее приятное

лицо было вне возраста: не юное, но и не зрелое.

Из маленького перистиля они вошли в храм. Внутри было светло и тихо. Большие прозрачные окна без труда пропускали солнечные лучи, яркий мозаичный пол пестрел узорами, по нему бесшумно скользили флории. С высокого свода свисали нити разноцветных бусин и колокольчиков, которые издавали легкий звон.

- Что это? - Удивился вериец.

- Молитвы. - Отозвалась Кария. - Люди молятся мне, благодарят или просят о милости, флории собирают их обращения в бусины. Каждый день я перебираю их и отвечаю.

Кейн заметил, что нитей становилось все меньше и меньше, по мере того, как они при приближении к апсиде.

- Не все гладко. - Богиня заметила любопытный взгляд Кейна. - За этим я позвала тебя.

В апсиде верующих встречала искусная статуя Кари. Искусный мастер превратил холодный белый камень в настоящую, почти живую женщину. Сияли драгоценными камнями глаза и губы, переливались в солнечных лучах одежды из неведомого, перламутрового материала.

Статуя протянула руки навстречу входящим в храм ладонями вверх, будто приглашая шагнуть в ее заботливые объятия.

- Твой храм красив. - Искренне похвалил Кейн.

Он чувствовал себя невежественным варваром посреди святыни в своих алых и грубых доспехах.

- Благодарю. - Склонила голову богиня. - Идем, поговорим в саду.

Среди цветов и деревьев мелькали флории, не отвлекаясь от своей работы. Юноша отметил, что небо успело покрыться серыми тяжелыми тучами. Погода

всегда была отражением богов, значит, разговор предстоял не из приятных.

- Ты не сказал отцу, куда направился? - Тихо спросила Кария, когда они остались одни.

- Нет.

- Хорошо. Благодарю. Скажи мне, Кейн, насколько сильно Верес нуждается в тебе? Какова твоя роль в его мире?

Кейн с недоверием взглянул в лицо женщины: что она хочет услышать?

- Я помогаю отцу поддерживать порядок и равновесие. - Гордо отозвался юноша.

- Думаешь, он не справится без тебя?

Кейн нахмурился.

- О, не обижайся. Я вовсе не это имела в виду. - Женщина машинально сорвала листок с яблони, сжала его пальцами. - Видишь ли, я хотела попросить тебя помочь мне в управлении миром. - Нерешительная улыбка мелькнула и исчезла с точеного лица. - Дела идут не очень важно, я чувствую, что теряю контроль. Как любая женщина, я слишком лояльна к своим созданиям. Они ведут себя как капризные дети.

- Почему не попросить Вереса? - Кейн насторожился еще больше.

- Он слишком... жесток. - Призналась Кария, нервно сминая несчастный листок. - Его силы разрушат мой мир.

- Мои - тоже. - Не согласился Кейн. - Я - его сын.

- Но у тебя так же есть сила твоей матери. - Возразила богиня.

- Я не знаю ее. - Пожал плечами Кейн. - Возможно, она была смертной.

– Или богиней. – Шепотом произнесла Кария, опуская взгляд. – Я не прошу о слишком многом. – Торопливо зазвенел ее голос. – Моим карьядцам нужно понять, что я могу быть грозной и страшной. Если ты моим именем сможешь призвать их к порядку – я буду благодарна.

– Вот где ты пропадаешь! – Громовым раскатом прозвучало за спиной.

Кария вздрогнула, Кейн понурив голову, обернулся.

Грозный Верес так же не вписывался в красочную обстановку цветущего мира, как и Кейн.

– Кто разрешил покинуть Верес? – Обратился он к сыну.

– Я позвала его. – Робко вступилась Кария. – Мне нужна помощь...

– Если тебе нужна помощь – проси меня или кого-нибудь из равных, при чем здесь мальчишка? – Прервал ее бог.

Могучие ладони сжимали грозу богов – Несущий смерть – белое лицо наполнилось презрением.

– Ты обещал... – Жалко выдавила Кария.

– Молчи! – Сверкнул глазами Верес. – У нас был договор. Я сделаю все, что в моих силах.

Кейн, отправляясь в Маледиктус! – Велел он.

Юноша кивнул и последовал обратным путем. Боги продолжили разговор, и обрывки слов долетели до верийца:

– Ты сделаешь только хуже! – Воскликнула Кария. – Нужна тонкая энергия, способная созидать!

– Если тебе нужен миссия – обратись к Сантеру! Он с удовольствием поделится с тобой своей искрой! Кейна оставь в покое, его судьба predetermined! Его мать отказалась от него, помнишь?

Голоса стихли, вериец снова очутился в храме. Он не спеша рассматривал убранство алтаря, роспись на стенах и потолках. Затем потянулись нити с молитвами. Кейн с интересом коснулся ближайшей алой бусины и...

Он провалился в какой-то дом. Вокруг шумел такой знакомый лязг битвы, слышались крики и мольбы о помощи!

Кейн тряхнул головой, но ничего не изменилось. Он по-прежнему стоял посреди комнаты. Разбитая посуда, перевернутая мебель, чья-то одежда, выпотрошенные сундуки.

Внезапно в комнату вбежала девчонка, младше верийца на 3-4 года, а за ней – женщина.

Они забились в угол, спрятавшись за высокий шкаф с книгами.

Раздался шум и в дверном проеме появился мужчина. В руках он держал короткий простой меч, его грязная рубаха была вся в засохшей крови, спутанные сальные волосы прилипли к лицу.

Мужчина произнес какие-то слова, пнул стол, оказавшийся у него на пути. Он явно искал женщину с девчонкой.

Из угла раздались сдавленные рыдания, преследователь радостно что-то крикнул и опрокинул шкаф.

Девчонка спряталась за мать, обе дрожали и заливались слезами. Мужчина оттолкнул женщину в сторону, как ни цеплялась она за дочь, принялся снимать штаны.

Кейн потянулся к мечу, женщина с мольбами повторяла имя Кари, бросилась к мужчине и торопливо заговорила. Было понятно, что она просит оставить девочку в покое и предлагает себя взамен.

Кейн больше не мог смотреть: он набросился на смеющегося карьядца и отсек ему голову. Алые брызги окропили лица двух женщин, которые будто только что заметили присутствие верийца...

Он снова стоял посреди храма с зажатой в руке алой бусиной.

Потрясенный, Кейн бросился прочь! Не заметил он, как позади остался водопад и Дорога бабочек, продолжая без усталости бежать вперед. Он должен найти эту деревню и помочь!

Солнце начало прятаться за лесными вершушками, а Кейн мчался, сам не зная куда. Наконец, перед ним предстала та самая деревня. Ночь уже была почти на исходе, воздух стал прозрачным. Почерневшие печные трубы, изуродованные, растерзанные тела, разграбленные, пустые глазницы домов. Убитые смотрели в небо пустыми глазами, не ведая больше ни боли, ни страха, ни желаний.

Вериец интуитивно нашел тот самый дом, в котором убил нападавшего. Он зашел внутрь и увидел все наяву: разбитая посуда, упавший шкаф и два тела: мать и дочь, а рядом с ними – тот самый воин с отсеченной головой.

Разочарованный и опустошенный, Кейн опустился на колени рядом с теми, кому его маленькая помощь лишь отсрочила гибель, и закрыл ладонью их остекленевшие глаза.

В руке женщина сжимала какой-то предмет. Кейн разжал окоченевшие пальцы и увидел маленькое кольцо с алым камнем. Он покрутил вещицу и спрятал в карман: такой же алый камень, как бусина в храме будет вечным напоминанием о том, что он, Кейн, не всемогущ. Пока не всемогущ.

– Зачем все это нужно, Фауст?

Королева была задумчива. Ей не хотелось поединков, книги быстро наскучили: в них без конца один род пытался подчинить себе другой. От нравоучений Секретаря разболелась голова, попытки фрейлин вовлечь в интриги двора в очередной раз были пресечены на корню.

Теперь она бесцельно водила пальчиком по запотевшему стеклу. Мелкий дождь моросил, навевая мрачные образы.

Как же бывает тоскливо в Сумеречных землях! Здесь постоянно царит полумрак, солнце всходит на жалкие несколько часов, и даже весна испорчена непогодой и густыми туманами.

Жанна совсем не по-королевски сидела на подоконнике в темно-красных брюках и белоснежной рубашке. Статс дама, которая полагалась ей по протоколу, с ума бы сошла, если бы увидела! Но она ушла, сегодня ее время уже вышло, королева желала одиночества. Почти.

– Что беспокоит мою королеву?

Князь застыл в кресле возле письменного стола. Он сидел, закинув ногу на ногу, устроившись непринужденно, как только занудная Одетта Солейн скрылась за дверью.

– Я пролиставала бесконечное количество ваших книг. Изучила историю мироздания, становление государств... В вашем мире властвует смерть. Зачем? Зачем понадобилось уничтожать людей? – Девушка отвернулась.

Фауст облегченно вздохнул: фиолетовые глаза завораживали, волновали и вызывали щемящую тоску в сердце.

– Для того же, для чего ваши ученые мужи развивают науку, крестьяне разводят скот, вырубают лес и без конца вспахивают землю. Чтобы жить. Наша природа не такая уж и разная. Или в Лорине не велись кровопролитные войны во имя амбиций тирана? Разве ваши магические существа не пали от рук смертных?

Прекрасное лицо помрачнело.

– Это – не одно и то же. Ваши потребности бесконечны, как ваши жизни.

– Наши потребности, моя королева? Ваши и вашего народа. И смертные поступили бы точно так же, будь у них такая возможность: быть вечно молодым, жить бесконечно, обретаать могущество.

– Разве нельзя достигнуть равновесия? Ведь было время, когда вы существовали бок о бок без деления на классы.

– Верийцев много. – Продолжил Фауст, неотрывно наблюдая за лоринкой. – С каждым днем прибавляется несколько обращенных или новорожденных Истинных. Если мы останемся в своем мире – рано или поздно начнутся междоусобицы. Разве моя королева не ознакомилась с войной восьми княжеств? История учит. Мы ищем другие пути.

Ответ не удовлетворил девушку, но она задала второй вопрос, мучивший ее весь вечер.

– А что будет, когда все восемь миров падут?

– Боги рассорились, все существа стали пешками на шахматной доске. Ты, я, люди, верийцы, сантерцы... Мы все – лишь средство. Сложно сказать, кто победит. И будет ли победитель. Это – не наше с тобой дело.

– Да, но нас втянули в эту игру. И я хочу знать, ради чего! – Поджала губы Жанна, не готовая смириться с такой участью.

– Не думай об этом. – Тихо произнес его голос. – Кейн навязывает тебе свою цель. Ты можешь и должна стремиться к своей.

Девушка спустилась на пол, потянулась, разминая мышцы, откинула жемчужные нити волос со лба. Тонкий аромат жасмина окончательно затопил сознание князя, стоило королеве подойти поближе и сесть, напротив.

– Думаешь, жажду власти можно утолить до конца? – Насмешливо спросила она, прожигая верийца холодными аметистами глаз. – Если верийцы одержат верх...Вы перегрызетесь, даже если у вас будет все.

– Да. – Согласился он. – Есть голод, который ничем не утолить. Я никогда не искал славы или власти. Но отказаться от этого совсем? В нашем мире это равносильно самоубийству. На мой взгляд, – вкрадчиво продолжил Фауст, – жажда обладания гораздо сильнее всех других желаний.

Пухлые губы приоткрылись, но слова застыли. Она задумалась, прикусила зубами прядь волос.

Фауст глубоко вдохнул пьянящий запах ее кожи, непроизвольно зажмурился от удовольствия, облизнув губы. Так близко и так далеко одновременно от заветной мечты!

– Хоть в чем-то мы с тобой согласны. – Вздохнула Жанна. – Я не совсем контролирую себя в последнее время. – Она смутилась. – Иногда мне слишком нравится убивать. Я чувствую себя непобедимой, особенной. Но приходит утро – и точно хмель вылетает из головы: я ненавижу себя за то, что делала и думала. Я меняюсь как по щелчку пальцев.

С каждым словом ее голос звучал все тревожнее, тени переживаний мелькнули и угасли.

– Ты прав: жажда обладания туманит. Сначала мне было тяжело. Первые убийства я не забуду никогда. Меня трясло, я не могла забыться ни сном, ничем-либо еще. Мне очень помог Эрик. – Легко улыбнулась она. – Он совсем не похож на других.

Укол ревности застал князя врасплох.

– Чем же так хорош этот трусливый Раск? – Расслабленность и умиротворение исчезли в мгновение ока.

– Он совсем не труслив. Разве трусость – искать более сложное, но менее кровопролитное решение вопроса? – Вступилась Жанна. – Он помогает мне не утонуть в этом болоте жестокости. Не превратиться в обезумившего убийцу. В тот момент, когда чужая жизнь оказывается в моих руках, я перестаю чувствовать жалость. Лишь упоение от того, что могу оборвать ее или сохранить. – Злорадная улыбка зазмеилась по лицу и тут же сменилась опустошенностью. – Эрик учит меня сохранять спокойствие и не поддаваться соблазнам.

– Но убивать ты от этого не перестала? – Иронично заметил Фауст, раздраженно теребя пуговицу на мундире.

– Не перестала. – Разозлилась Жанна. – Увы, это необходимость, навязанная мне моим новым телом и обществом.

– Теперь тебе не так противно видеть чужие страдания? – Мысль о Раске все еще вертелась в голове и пробуждала все больше злости.

Она вдруг вцепилась в его руки. Узкий зрачок Фауста моментально расширился, чернота затопила глаза.

– Не оставляй меня. – Быстро зашептал взволнованный голос, будто опасаясь, что кто-то может подслушать разговор. – Ты понимаешь меня. И я рядом с тобой – другая. Будто не было этого Ритуала, будто все еще можно стать прежней. – Затаенная надежда затрепыхалась в словах, будто птица в силках. – Маледиктус сводит меня с ума! Он забирается мне в душу, переворачивает все с ног на голову! Стоит мне уйти от крепости подальше, как я чувствую Его зов! Он требует жертв, требует вернуться к нему!

– Как прикажете, моя королева. – Растерянно ответил Фауст. – О ком ты говоришь?

– О Маледиктуса. – Тихо, едва слышно произнесла она, оглядываясь по сторонам. – Я схожу с ума, схожу с ума. – По щекам прокатились слезы. – Он черной тенью преследует меня в моих снах, прячется в углах, крадется за моей спиной. Но стоит мне обернуться – как он смеется и прячется.

Все было еще хуже, чем думал князь. Насколько крепко связались души Кейна и Жанны? Верес не мог долго оставаться без своего бога и, судя по тому, что Кейн не спешил возвращаться, Маледиктус принял замену короля.

Пока Кейн осуществлял свои замыслы, Верес перекраивал Жанну под себя. Скоро их взаимная зависимость станет слишком сильной. Власть и магия Вереса напирала на девушку, грозя сломать неопытный и неподготовленный разум.

– Прошу! – Она еще крепче сжала пальцы дрожащими ладонями. – Я готова простить тебе все. Эти безумные верийцы! Я вижу их души, их прошлое. Грязное, кровавое! Их ненависть ко мне! Я научилась ненавидеть в ответ! Все мои мысли сводятся к тому, чтобы выжить, не стать посмешищем, не потерять себя! Не оставляй. – Всхлипнула девушка. – Не хочу быть чудовищем, не хочу...

– Я... – Фауст не знал, как объяснить ей. – Это все еще слишком больно. Разве ты не видишь? – Обреченно ответил он, не в силах больше выносить отчаянье Жанны.

Бессмертное сердце пронзила игла, вериец уже сам крепко вцепился в эти крошечные ладошки, боясь и желая одновременно отвести все удары судьбы, что свалились на чужестранку.

Эмоции переполняли королеву, и чуткое сознание князя тонуло в этом безумии. Она хотела что-то сказать в ответ, но почувствовала, как по коридору, прислушиваясь, приближалась одна из фрейлин.

Жанна поспешно смахнула с лица слезы, глубоко вдохнула. Лицо королевы стало непроницаемым и холодным, будто и не было этого дикого приступа. Она снова уселась на подоконник.

Фауст еще раз ощутил тревогу: лоринка менялась слишком быстро для новообращенной. Фрейлина вошла через минуту, поинтересовалась о какой-то мелочи, изучила пару цепким взглядом, надеясь найти доказательство чего-то сокровенного и интимного. Не обнаружила ничего особенного и разочарованно скрылась.

Глава 3. Мариус Гайос.

Мир – он твой, Ты же в нём – изгой,

Заблудившийся, гордый и слепой.

Стоит повернуть,

Изменить свой путь –

Птицы вслед закричат,

Люди вслед замолчат.

(Балашова А. - "Пока боги спят")

На разорённых землях Оринберга свирепствовала болезнь. Люди страдали от лихорадки, заходились кашлем, отхаркивая кровь и умирали на пятый день.

Все это – заслуга Мариуса Гайос. Истинный дотошно изучал живые организмы, в его замке находилась самая большая библиотека существ. А в подвалах хранились заспиртованные образцы всего, что могло дышать, двигаться и жить.

Лихорадку Мариус поселил в водоем Изумрудной реки. Болезнь распространилась быстро и дала свои плоды: люди умирали еще до того, как армия Кейна добиралась до того или иного города.

Больше половины страны уже лежало у ног захватчиков. И черные василиски, что все чаще давали отпор и удерживали рубежи Оринберга, гибли от болезни точно также, как все смертные.

– Это жестоко, вы не находите? – Альберт Свейн обернулся к своему спутнику, зажимая рот платком.

Невысокий жрец в серой рясе аккуратно переступил через труп.

– Кейн пойдет на все ради своей цели. Мы ищем лекарство, ваше величество. Но люди должны соблюдать правила, чтобы не заразиться. И не выходить из домов.

– Как они могут сидеть по домам, уважаемый Джаред, когда на них движется армия верийцев? Лихорадка косит как крестьян, так и аристократов. – Альберт окинул взглядом полу пустые улицы города: на дороге валялись мертвецы. Жрецы Лорин и добровольцы сгружали тела в телеги и увозили за стену, где сжигали.

Горожане прятались, на ставнях некоторых домов висели красные флаги. Это означало, что кто-то болел и входить было запрещено.

Уныние царило в столице. Пока что болезнь добралась только до нижнего города, полного нищих и беженцев. Но страх загнал всех в угол от господ до лавочников.

– Сколько еще понадобится времени, чтобы справиться с болезнью и Кейном? – Спросил Альберт Свейн.

– Не все сразу, ваше величество. – Аметистовые глаза жреца сверкнули и сменили цвет на зеленый. – Наш с вами общий друг сейчас в Вересе. Его последнее сообщение содержало указание о месте, где мы встретим врага. По моим подсчетам, неделя-две и безумный Кейн будет предан и побежден.

– Верийцы устали от своего бога? – усмехнулся Альберт.

– Он разозлил их, это точно. – Кивнул жрец.

Король и жрец, наконец, дошли до конца улицы, где их ждала карета.

– Чем же?

– Любопытство?

– Отнюдь. На чужих ошибках не грех поучиться, хотя я и не бог.

– Он женился. – Рассмеялся уродливый жрец. – На смертной. На существе третьего сорта.

– Да, кажется, князь Гевальт бесконечно зол из-за этого. Брак должен быть по расчету. – Альберт Свейн иронично покачал головой.

– А он и так по расчету. – Ничуть не смутился Джаред. – Просто его подданные не понимают и не скоро поймут, в чем здесь выгода.

– А она есть? – Усмехнулся Альберт. – Жанна, хотя и прелестная девушка, но на этом все.

– Вы не знаете всего, дорогой друг. Интуиция у Кейна отменная: красота интересуется его в последнюю очередь. Жанна де Стрейн нужна нам не меньше, чем вейцам.

Альберт Свейн удивленно поднял брови.

– Что же такого особенного в графине де Стрейн? Ее семья достаточно обеспечена, но скромна. Никаких ярких талантов, ни громких побед.

– Именно поэтому Лорин обратила свой взор на них. – Загадочно улыбнулся Джаред. – Неприметные, добропорядочные и милые люди никогда не привлекут внимания.

Мужчины приблизились к воротам, ведущим в Средний город, где обитали зажиточные и обеспеченные лоринцы. Стража пропустила их, оттолкнула в сторону пару нищих, что попытались прошмыгнуть незамеченными за тяжелые высокие створки.

– Совет богов не одобряет действия Кейна, как и его право на Верес не признано до сих пор. – Продолжил Джаред. – Последняя, кто хотел дать ему шанс – Лорин. Она разочаровалась в нем после войны с Невеккет.

– Вы ловко прибрали к рукам бразды правления. – Не без зависти отметил Свейн, поглаживая подбородок. – Почему боги прислушались?

– Несколько манипуляций, – Джаред улыбнулся. – Архнос готов к любым действиям, если намечается кровопролитная заварушка. Лорин всегда была верна мне, Балга не спешил сдавать позиции: самодостаточный, изворотливый.

– И как вы справились с ним?

– Он отчаянно нуждался в помощи. Его мир живет лишь благодаря поддержке. Моей поддержке.

– Ваши игры более масштабны и все же, я все больше убеждаюсь, что боги не многим отличаются от людей. – Альберт усмехнулся.

– А почему должно быть по-другому? – Жрец тихо рассмеялся. – Разве не сделаны вы по нашему образу и подобию? Или вы воображаете, что бог – некое беспристрастное существо, что вершит справедливость?

– Все религии говорят об этом. – Отозвался Альберт.

– Все религии вам нагло лгут! – Жрец сверкнул глазами и в этот раз один из них стал непроницаемо-черным. – Если бы это было так, на земле не было бы ни войн, ни боли, ни счастья. Одни серые и скучные тени. Мы перенесли наши пороки и достоинства в ваши души не потому, что хотели просто развлечься. Мы сами не идеальны.

– Но зачем? Чтобы наблюдать, как снова и снова побеждает зло или добро в каждой душе?

Джаред задумался.

– В этом что-то есть. Так же говорила сестра Сахрезейя.

Она всегда считала себя совершенной. Джаред смотрел на Сахрезейю и невольно сравнивал ее с Лорин и Карией. Кто бы ни создал их, Сахрезейя явно уступала двум другим богиням в красоте, как они ей в интеллекте.

– Кария, успокойся. – Грудным голосом произнесла женщина, протягивая богине свой платок. – Объясни все по порядку. Мы выслушаем тебя и постараемся помочь.

Кария вытерла покрасневшие глаза, благодарно приняла от Невеккет стакан воды.

«Да, когда уже она закончит свою истерику!» – Раздраженно подумал Джаред.

– Вы можете смеяться надо мной, можете считать глупой и недаленовидной. – Плаксивым голосом начала Кария. – Но это может случиться и с вами.

Кария вскинула свои большие голубые глаза и уставилась прямо на Джареда, будто намекая, что он – следующий.

– Никто не смеется над тобой дорогая. – Ободряюще поддержала ее Лорин и больно пнула под столом Архноса, который собирался сказать что-то язвительное. – Мы все – одна семья.

– Спасибо, Лорин. – Богиня была готова снова разрыдаться, но Сахрезейя крепко сжала ее руку в своей.

– Продолжай, милая.

Из сбивчивого рассказа Кариин сложилась следующая картина: богиня активно заселила свой мир смертными и флориями. Флории представляли собой божественных помощников, что оберегали людей, несли счастье и свет.

«Что за кукольный домик!» – Сморщился Джаред, когда Кария пустилась в описание своих изысканных созданий.

– Они умеют убивать? – Поинтересовался Архнос, не отвлекаясь от своих ногтей, которые он уже десять минут приводил в порядок острием кинжала.

– Что? – Растерянно переспросила Кария.

– Не обращай внимания, сестра. – Невеккет пальцем ударил по яголке винограда. Ягода подпрыгнула и угодила Архносу в нос.

Рыжебородый могучий бог дернулся, вскочил с места и хотел наброситься на мальчишку, но врезался в Вереса, который преградил ему дорогу.

– Давайте проявим уважение. – Грозным голосом произнес Верес. – Свои детские игры продолжите за пределами собрания.

Ноздри Архноса раздувались от гнева, грудь быстро вздымалась и опускалась, налитые кровью глаза уперлись в меч Вереса.

– Как скажешь, брат. – Нехотя бросил рыжебородый, и шумно опустился на свой стул.

Невеккет скорчил рыжему рожицу, бог в ответ выразительно провел ладонью по горлу.

– Все было хорошо. – Продолжила Кария. – Но люди стали по-другому относиться к любви.

– Что ты имеешь в виду? – Уточнила Сахрезейя.

– Они вышли за рамки традиционных отношений. – Смутилась Кария.

– Однополая любовь? – Вскинула брови Лорин.

– И не только. – Кария еще больше покраснела.

– Думаю, они просто запутались. – Пожала плечами Сахрезейя.

– Я тоже так подумала. – С жаром заговорила Кария. – Но потом...

Люди разделились на государства. И чем дальше распространялись по миру смертные, темя тяжелее стало богине и ее флориям: разные ценности, обычаи, цели. Предсказуемым итогом стала взаимная вражда.

Некоторые государства придерживались консервативных взглядов, другие рвались вперед, третьи металась из стороны в сторону и пробовали все.

– Я пыталась их понять. – Горько вздохнула богиня. – А потом они превратили флориев в рабов. – Кария снова замолчала, сдерживая рыдания. – Они же... они же безобидные, смирные! А они продавали их, издевались и подчиняли!

– И ты покарала неблагодарных? – Наконец, подал голос Джаред.

– Да! – Гневно вскрикнула Кария, одарив Вереса выразительным взглядом. – Я перетрясла все их земли, наслала болезни за их блуд и разврат, перемешала

языки, и они потеряли возможность общаться друг с другом! Мне пришлось...

- Помогло? - Пискнул Невеккет.

- Нет. - Призналась Кария. - Оказалось, язык войны люди помнили хорошо. Теперь нет моих храмов, нет флориев. Смертные не молятся мне и не смеются в райских садах. Они убивают друг друга.

- Это пройдет. - Заверила Сахрезейя. - Одари их своей милостью снова, наставь на путь истинный. Это поможет!

- Откуда тебе знать, сестра? - Хмыкнул Балга, все это время, молча наблюдавший за богами. - Сама ты оставила свой мир без разумных существ.

- Это так. - Невозмутимо кивнула Сахрезейя. - Но я вижу ваши миры, а Миа испытывает все те же чувства, что любой смертный. Она еще мала, но я уже наперед знаю, что из нее вырастит. И корректирую ее поведение вполне успешно.

- Ты перестаралась, Кария. - Подала голос Лорин. - Слишком все ярко и красочно. Люди не боялись тебя никогда. Если не воспитывать дитя, - оно не будет знать меры. Войны стихнут, но нужно помочь.

- Дело не только в войнах, хотя они и причиняют мне боль своей жестокостью. - Тихо, глядя в никуда, произнесла Кария. - Одна половина мира по-прежнему живет так, как было изначально: традиционные браки, семьи, ценности. А вторая... Если бы они просто искали счастья в том, что считают правильным. Они заставляют других принимать это за норму.

- Всего лишь хотят, чтобы их поняли. Что в этом такого? - Не поняла Лорин.

- Нет, сестра. - Покачала златовласой головой Кария. - Они хотят, чтобы в других государствах перестали появляться дети. Чтобы они слабели и тонули в порочных страстях. Правители этих «борцов за счастье» по-прежнему женятся на женщинах. Но мир кажется им тесным, а чужие богатства слишком ярко блестят и принадлежат слишком большому количеству людей.

– Геноцид? Таким способом? – Не поверила Лорин. – Глупости! Раз ты дала им право выбирать свою свободу, ты должна уважать их желания, они уже не властны над собой!

Кария истерично рассмеялась.

– О, Лорин! В твоём мире единороги и феи! А в моём – кучка жадных смертных, что любыми способами пытается занять мое место! Диктовать свою волю, свои ценности, свободу окунаться в грязь. Лишь одна цель – завладеть всем. – Кария поднялась со своего места, нервно начала ходить из стороны в сторону, все больше повышала голос. – Дети стали товаром. Их воруют, чтобы не фертильные больше богачи могли испытать радость родительской любви. Женщины бедных государств продают свое тело как инкубатор, потому что стало не популярно портить свою внешность беременностью. Люди нападают на своих вчерашних соседей, грабят, насилуют, убивают. Это смело! Это – про свободу! Бери то, что хочешь!

Богиня потеряла сознание, Верес едва успел подхватить ее и усадить в кресло. Невеккет брызнул в лицо Карию водой, та вздохнула, открыла глаза.

– Мне нужна помощь. – Пробормотала она, глядя в белое лицо Вереса. – Любой ценой. Если люди утонут в этой грязи, – некому будет воздавать хвалу в храмах. Не будет больше детей, только распутство и страсти. А те последние, что получают наконец-то желанную власть... будут ли они еще людьми? Умоляю...

Его глаза горели восторгом, Жанна, увлеченная боем, все смелее атаковала Фауста, превращая дружеский поединок в смертельную схватку!

...Алые огни смотрели на пару, кружащуюся в поединке. Она была прекрасна! Пусть выбор девушки пал на одно из самых легких оружий, пусть Фауст выбил его из рук за пару ударов.

Жанна сопротивлялась. Ее гибкий и хрупкий стан, изгибался, парируя удары, нанося ответные раны одному из сильнейших верийцев. Ее магия раскрывалась в полной мере. Растворяясь в тенях, внезапно нападая, она сбивала его с толку, изматывала и заставляла совершать ошибки.

Красочные иллюзии, которые создавала королева, отвлекали, кружили калейдоскопом. Великий Советник сдавался. Нарочно или случайно, но Жанна побеждала, пока их взгляды не пересеклись. Да! Внушать и гипнотизировать он умел!

Оборванная в клочья одежда, ссадины, колотые раны. Но он в очередной раз испытывал силу своего Дара.

Вот уже поплыло, помутнело сознание. В голове густым медом потекли тяжелые мысли: подойти, выслушать приказ и немедленно...

Девушка вздрогнула всем телом, освобождаясь от пут.

Изумленный Фауст стоял, открыв рот.

– Как ты... как тебе удалось? – В недоумении спросил он.

Жанна пожала плечами. Разум окончательно прояснился и перед королевой снова был весенний цветущий сад, запущенный и неухоженный. Все стало прежним, четким и ярким. Обступали лужайку исполинские дубы и клены, ощетинились колючками кусты терния. Одичавшие розы местами обуглились от магии, которой щедро пользовались Жанна и Фауст.

– Не знаю. – Беспечно ответила она.

Жемчужные волосы, уложенные в косу, растрепались. Девушка окинула взглядом себя и Фауста.

– Думаю, на сегодня хватит. – Вздохнула она.

– Из вас бы вышла не плохая пара. – На каменной лестнице, ведущей в Маледиктус, появился Мариус. Тот самый вериец, что провел обряд бракосочетания.

Худой, без бровей и ресниц, с абсолютно лысой головой, он вызывал отвращение. Его крючковатый нос явственно выделялся на остром лице,

большие алые глаза, впавшие в глазницы, пристально следили за собеседником, будто ожидая чего-то, угадывая...

Всем своим видом Истинный напоминал смерть. Синий камзол, расшитый красным шелком, покрывал широкие плечи, худые ноги обтягивали штаны и высокие ботфорты. Плащ с кровавым подбоем окутывал немощное с виду тело.

Только те, кто уже не мог говорить, знали, какая сила скрыта в этом тщедушном теле! Обращение одарило его телепатией, внушением, гипнозом и одна ночь еще ведала, чем! Все в крепости дрожали от его голоса и сладкого запаха тлена, что сопровождал ордината Гайос. Многие верийцы дивились, как такой могущественный разум подчиняется Кейну.

– Ты плохо шутишь, друг мой. – Надменно ответил Фауст, инстинктивно загоразивая Жанну. – Что тебе надо?

– Я пришел познакомиться поближе с нашей королевой. Я не претендую на крепкую дружбу, но мне бы хотелось побеседовать с вами, милое дитя.

Мариус смотрел на Фауста как сквозь стекло, обращаясь только к Жанне. Он с легкостью спрыгнул вниз, его шаги не издали даже шороха.

Не было в Сумеречных землях существа, опаснее Мариуса Гайос. Он был старше самого Кейна. Король тоже побаивался верийца, ценил его мудрость и держал к себе ближе других.

Именно Мариус посоветовал Кейну заключить союз с лоринкой. Девушка была не проста. Кроме того, это позволяло держать Гевальта на коротком поводке, что вполне соответствовало собственным планам Жреца.

– Язык у вас длинный. – Рассмеялась Жанна. – Но, не в моих силах его укоротить. Пока что. – Многозначительно добавила она.

Девушка прошла мимо Фауста, точно его и не было рядом. Несомненно, королева чувствовала мощь, исходившую от верийца, но, с присущей ей безрассудной смелостью, смотрела в алые глаза.

– Плохо начинать знакомство с дерзости, если, конечно, ищешь дружбы, а не вражды. – В тон Жрецу продолжила она.

– Прошу прощения, – слова звучали уверенно. – Всего лишь профессиональный взгляд. Именно я определяю, какие брачные союзы заключать Домам. Надеюсь, не обижу Вас, сказав, что ваше потомство способно укрепить любой род Истинных. – Легкая усмешка проскользнула на губах Жреца. – После Ритуала вы раскрылись с новой стороны.

– Ты свободен. – Жанна едва кивнула князю.

Недовольно поджав губы, Истинный уступил.

Мариус пригласил ее на прогулку. Они медленно шли вдоль узкой галереи с резными каменными арками, уходящими высоко вверх. Рассвет уже окрасил небо в легкие розовые тона.

– Моя госпожа, я счел своим долгом поговорить с вами до того, как вы присоединитесь к королю Кейну... Ведь именно это вы собираетесь сделать? – Спросил Мариус.

Истинный улыбался. Так улыбается смерть, так улыбается убийца перед нападением. Он был неприятен и, в то же время, было трудно оторвать взгляд от его лица. Запах лилий, что кладут на гроб, рубиновые холодные глаза, острые высокие скулы, впалые щеки, бледно-синие невзрачные губы. Пожалуй, ординат Гайос больше всех подходил под стереотипные представления людей о страшных кровососах.

– Да. Вижу, вы прекрасно осведомлены о моих планах.

– О, не составило труда! – Прижав руку к сердцу, поклонился вериец. – Ваш разум хоть и окреп, но все еще уступает моему мастерству. Видите ли, я лучший телепат среди Истинных. И пусть внушение удастся мне хуже, чем вашему...хм, другу, Фаусту, мысли я читаю превосходно!

– Даже у Короля? – Она удивленно изогнула бровь.

– О, нет. К сожалению. – Он опять оскалился в улыбке. – Ваш супруг – сын Вереса, не забывайте. Но я понял все не из ваших мыслей, они спрятаны прекрасно. Ваши жесты, лицо, голос, – вот что выдает вас. И ваша молодость.

Рука немного болела, но силы возвращались, раны затягивались. Жаль, вместе с телом не восстанавливалась ободранная в клочья одежда. Девушка чувствовала себя голой.

– Позвольте предложить вам мой плащ. – Мариус легким движением набросил синий, расшитый шелковыми нитями, плащ на ее плечи. – Должно быть неловко такой красивой девушке идти в оборванной одежде.

Она приняла плащ, завернулась в мягкую материю. Удушливый запах тлена накрыл королеву.

– Я хотел поговорить с вами вот о чем: разделяете ли вы взгляды своего мужа?

Жанна молчала. Что она знала о Кейне? В ее незрелой душе хранился образ древнего чудовища, что выползло из страшных детских сказок. Но не более того. Мысли, которые достались ей от короля после сплетения душ, не могли рассказать ничего стоящего. Поток информации был огромным и требовал пояснений.

Еще был страх. Он рождался в ней, стоило Кейну встать напротив нее для очередного поединка. Король пытался все это время растормошить ее скованное ужасом тело, заставить бороться за свою жизнь! Он распалял ее гнев и взывал к инстинкту самосохранения.

Воздух пропитывался морозной свежестью, а Маледиктус будто оживал в его присутствии, дышал, как живое существо. Могущество, исходившее от короля, ощущалось тявственно, заставляло верийцев втягивать головы в плечи или трепетать от восхищения.

С другой стороны, были беседы, рассказы, которые она слушала с упоением, видела в деталях. Загадки миров, которые Жанна пыталась решить вместе с ним. В эти мгновения лоринка вполне могла назвать его общество приятным, но король всегда казался ей сухим и равнодушным. Тайна еще нераскрытой и такой противоречивой личности манила к себе.

Милосердие, которое Кейн проявил к ней, совсем юной и чужой, резко контрастировало с его отношением к Лорин, Вересу и всем, кто населял оба мира. Ужасная расправа над Невеккет, горькая участь самих веккитов...

– Вы молчите, моя госпожа? – Лукаво улыбнулся Мариус.

Всей глубины размышлений королевы он не мог раскрыть, но видел растерянность на лице Жанны. Она то хмурилась, то робко улыбалась, перебирая свои воспоминания как бусины на нитке.

Галерея наконец-то закончилась, выводя собеседников в густой сад. Покрытые зеленой листвой деревья переплетались в аллеях, дурманящий запах роз и утреннее пение птиц несли тепло. Сад больше напоминал густую лесную чащу. Но еще можно было найти несколько пригодных для прогулок дорожек, с пробивающимися из-под плит корнями и пучками молодой травы.

– Ваш муж сейчас идет к своей цели и, если вы не разделяете его взглядов, вам не за чем появляться в Лорин. Там всюду смерть.

Жанна, внимая каждому слову, аккуратно переступала через корявые корни высоких раскидистых дубов.

– Надеюсь, я не потеряю смелость, когда понадобится. – Ответила Жанна невозмутимо. – Это все, что вы хотели сказать, Жрец?

Она остановилась, выпрямившись во весь свой рост, но ей все еще приходилось высоко задирать голову, чтобы заглянуть в алые глаза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ogneva_evgeniya/dorogi-bogov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)